

УДК 398

DOI: 10.31029/vestiyali23/8

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ О СЕЛЕНИИ КУБАЧИ В ЗАПИСЯХ Е. М. ШИЛЛИНГА

Ф. А. Алиева, Ф. Х. Мухамедова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Статья посвящена преданиям и легендам селения Кубачи Дахадаевского района Республики Дагестан, зафиксированных выдающимся кавказоведом XX века, специалистом-этнографом Е. М. Шиллингом во время фольклорных экспедиций в Дагестане и опубликованных в его известной книге «Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды» (М.; Л., 1949). Цикл преданий о Кубачи и кубачинцах в записях Е. М. Шиллинга – это бесценный источник конкретных данных, связанных с прошлым народа, с жизнью, историей, бытом, обычаями и психологией кубачинцев. В ряде случаев предания и легенды несут информативный характер; в них приводятся сведения о происхождении кубачинцев, их численности, о территории, которые они занимали в прошлом, о войнах, которые они вели с соседями, и т. д.

Ключевые слова: Е. М. Шиллинг, предания, легенды, сел. Кубачи, история, обычаи, нравы, происхождение.

The article analyses traditions and legends of the village of Kubachi, Dakhadaevsky district, Republic of Dagestan, recorded by the outstanding Caucasian scholar of the 20th century, ethnographer E. M. Shilling during folklore expeditions in Dagestan and published in his famous book «Kubachins and their culture. Historical and ethnographic studies» (Moscow; Leningrad, 1949). The cycle of traditions about the Kubachi and the Kubachins in the records of E. M. Shilling is an invaluable source of specific data related to the past of the people, connected with the life, history, way of life, customs and psychology of the Kubachins. In some cases, traditions and legends are informative; they provide information about the origin of the Kubachins, their numbers, the territories they occupied in the past, the wars they waged with their neighbors, etc.

Key words: E. M. Shilling, stories, legends, village Kubachi, history, customs, morals and manners, origin.

Личность Евгения Михайловича Шиллинга, одного из выдающихся специалистов-этнографов, представляет огромный научный интерес для современности. Его перу принадлежит ряд научных работ в области изучения кавказской этнографии, среди которых есть работы по материальной культуре, быту, верованиям народов Кавказского региона. В течение нескольких лет проводя экспедиционные исследования, он совершил более 20 выездов в Чечню, Ингушетию, Кабарду, Карачаево-Черкесию, Абхазию, а также в Дагестан, где собрал и систематизировал значительный этнографический материал, как опубликованный в отдельных статьях, так и хранящийся ныне в Музее народов СССР.

В результате экспедиционных работ Е. М. Шиллинг зафиксировал и обобщил ценнейшие данные о духовном наследии села Кубачи, изучению истории которого посвятил долгие годы жизни. В итоге его научных поисков в 1949 году в Москве им была издана бесценная книга «Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды».

Книга Е. М. Шиллинга, представляющая огромную значимость для Дагестана, её традиционной культуры, науки и образования, стала библиографической редкостью, практически недоступной для широкого круга читателей, в связи с чем она была переиздана в 2012 году [8], а также и в 2017 году.

В книге ученым охвачен широкий спектр проблем, касающихся как материальной, так и духовной культуры кубачинцев. В первой главе освещены вопросы, связанные со сведениями о кубачинской территории и самих кубачинцах, об истории присоединения к России, ан-

тикварной торговле, кубачинских златокузнецах, сельском хозяйстве и средствах передвижения, обработке шерсти и кожи и др. Вторая глава целиком посвящена кубачинскому металлообрабатывающему производству, где подняты различные вопросы, связанные с ювелирным искусством златокузнецов сел. Кубачи.

Определенный интерес, в частности, вызывает у нас глава «Общий очерк материальной культуры кубачино-даргинского нагорья», в которой автором впервые публикуется интереснейший фольклорный материал преданий и легенд селения Кубачи, проливающий свет на вопросы происхождения как самого селения, так и его жителей – кубачинцев, их исторических данных и т. д.

Кубачинцы – жители селения Кубачи Дахадаевского района – относятся к числу ярких и самобытных представителей этнических групп даргинцев и славятся не только уникальным ювелирным мастерством, но и своей многовековой духовной культурой, выразившейся в произведениях устно-поэтического творчества.

Фольклор селения Кубачи – это неотъемлемая часть культурных ценностей, созданных народом на протяжении тысячелетий. В фольклоре кубачинцев нашли художественное отражение история народа, его быт, обычаи, нравы, психология, его мировоззрение.

Предания и легенды относятся к жанрам, в которых определяющим признаком является отражение исторической действительности. По определению С. Н. Азбелева, это созданный устно, имеющий установку на достоверность эпический прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов. Предания возникают из устных рассказов очевидцев или участников тех или иных событий, в процессе передачи из уст в уста рассказ постепенно отливается в более или менее устойчивое предание [2, с. 11].

В этой связи особый интерес представляет предание, рассказанное Г. Р. Иргановым и записанное Е. М. Шиллингом в 1944 году. Оно повествует о том, что близ сел. Кубачи были когда-то селения, жители которых говорили по-кубачински. Это были урочища под названием Анчи-бачи, Кубасанила, Дешла-нах (южнее Кубачи). Наименования ряда урочищ состоят из словосочетаний, где к собственному имени места прибавляется слово «ку» («пахотный участок»). Одно из таких урочищ – *Апла-ку* – было некогда подарено кубачинцами кайтагскому уцмию (князю). До настоящего времени кубачинцы считали язык сел. Ашты (южнее Кубачи) своим. Аштинцы, по их версии, не «природные даргинцы», а переселенцы из названного урочища Анчи-бачи в результате столкновений с жителями сел. Кубачи [8, с. 19].

Е. М. Шиллинг приводит другое предание, записанное в сел. Кубачи в 1944 году от Г. Р. Ирганова. В ней повествуется о том, что в сел. Кубачи есть место со старыми могилами, носящее название *Кала-ку*, что означает «редиски посевной участок». Согласно преданию, рассказанному Алиханом Ахмедовым в 1940 году в сел. Кубачи, в могилах погребено 40 богатырей (*батырте*), погибших во время стычки с жителями сел. Кала-Корейш. Спор произошел из-за владения пастбищем на склоне горы *Лямцла-бэй*. По распоряжению (общественного управления кубачинцев), убитых в ту же ночь до восхода солнца тайно похоронили на этом самом месте при танцах под звуки барабана и зурны, стараясь скрыть печальные события, а на могилах посадили редиску, отчего эта местность и поныне называется «*Кала-ку*». Кайтагский князь (уцмий), к которому якобы враждующие стороны обратились за разрешением конфликта, присудил отдать Лямцла-бэй за кровь селению Кубачи, пояснив, что «кубачинские женщины в одну ночь вдвойне возместят эту потерю, – убито 40, а зачнут 80» [8, с. 13].

Одна из легенд гласит, что на окраине селения существовала «башня богатырей» («*батырла ци*»). По легенде, башня была резиденцией 40 богатырей (*батырте*). Они оберегали аул от посягательств извне, охраняли его жителей. Число охранявших было постоянным и восполнялось по мере надобности новыми членами вместо выбывших. Таким образом, число 40 никогда не прибавлялось и не убавлялось, оно оставалось неизменным. В содержании ба-

тирте участвовал весь аул, который благодаря их мужеству не был никем покорен и остался навсегда [1, с.10].

Батирте разрешали межаульные споры и разногласия или же нападали на соседние селения, враждовавшие с кубачинцами по тем или иным причинам. Так, в одном из таких преданий, записанном Е. М. Шиллингом, повествуется о том, как семеро *батирте*, узнав, что жители соседнего селения ранили двух кубачинских пастухов и угнали с пастбища их лошадей, настигли грабителей, перебили всех врагов, несмотря на их численный перевес, вернули лошадей и возвратились с победой. Однако *батирте* нельзя было видеть, нельзя было с ними общаться, подходить к ним [8, с. 12]. По преданию, известному в записи историка Р. М. Магомедова, говорится о том, что одна мать, очень скучавшая по сыну, пожелала повидать его до возвращения домой. Она подошла к крепостной башне и стала звать его по имени. Стражники услышали это, и когда сын подошел к забору, чтобы протянуть матери руку, они поймали его, отрубили ему руку и бросили матери с башни со словами: «Вот, смотри на то, что можно видеть у твоего сына» [6, с. 16].

В другом варианте этого же предания, записанном Е. М. Шиллингом, рассказывается об этом случае несколько иначе: некий богатырь пришел однажды ночью в дом к своей матери. Старуха сидела у очага и пекла хлеб. Вошедший был закутан с ног до головы. Он молча приблизился к огню, чтобы взять уголь. Женщина при свете огня по протянутой руке узнала своего сына и заговорила с ним. Это не осталось незамеченным. На следующий же день из башни злополучной матери была принесена отрубленная рука ее сына. Так сын и мать поплатились за нарушение запрета, за непослушание» [8, с. 18].

Е. М. Шиллингом записано предание, согласно которому в почитаемой могиле в сел. Кала-Корейш похоронено три существа – девушка, кобылица и собака, спасшие калакорейшцев, как гуси Рим (они подняли тревогу при внезапном вторжении гяуров – кубачинцев в пятницу, когда все правоверные калакорейшцы находились в мечети). В рассказе далее сообщается, что кубачинцы не хотели принимать ислам. У них была церковь «келаса» с двумя парами великолепных деревянных резных дверей. В войнах эти двери не менее трех раз переходили из рук в руки, но, наконец, они остались у калакорейшцев как военный трофей, украсивший здание мечети. До недавнего времени их можно было здесь видеть (датируются XII–XIII вв. [4, с. 118–130]). Заметим, что село Кала-Корейш, занимающее на редкость удачное в стратегическом отношении место, было в числе оплотов распространения мусульманства в нагорьях Южного Дагестана. Это, очевидно, первая резиденция-крепость наместников арабского периода, принявших титул уцмиев. Тут же уцмийское кладбище, надписи которого разобрал академик Б. А. Дорн (дата самой ранней из сохранившихся – 1423 год, самой поздней – 1803 год), и древние арабские саркофагообразные надгробия – уникальные памятники, подобные известным могилам «Кырхляр» в Дербенте (такие могилы кубачинцы называют «*мукуй-хупте*», т. е. каток-могила, так как надгробия действительно несколько напоминают сильно увеличенные в масштабе катки для утрамбовывания плоских крыш – особые цилиндрические камни). Надгробия подобного типа имеются еще и в сел. Уркарах близ сел. Кубачи, а также, по сведениям А. С. Башкирова, в Верхнем Табасаране у аула Гемейди и около городища Армен-Кала в долине устья Самура [4, с. 118–130].

По рассказу двадцатилетнего жителя сел. Кала-Корейш Али Богатырева, записанному Е. М. Шиллингом в 1940 году, в этом селении в старину устраивалось игрище, настолько своеобразное, что никаких кавказских аналогий к нему не подобрано. Это игрище, существование которого, помимо калакорейшских показаний, было подтверждено и жителями сел. Амузги, содержит пережитки раннего феодального периода со всей спецификой взаимоотношений между владетельным центром Кала-Корейша и соседними селениями зависимых от него и в то же время «вольных» даргинских обществ.

Селение, задумавшее устроить игрище, пекло гигантский пирог *чутту* из трех-четырёх пудов муки. Пирог имел в диаметре около 2 м. Его начиняли толстым слоем сыра, яиц, мяса. Для печения этого гиганта расчищали место на току, разводили костер и пекли за-

тем пирог в золе. Когда пирог пекся, его поворачивали 5–6 человек. Затем мужская молодежь везла пирог в особой плетеной корзине на лошади, или несла на носилках в селение Кала-Корейш. Делалось это тайком. Экспедиция отправлялась вечером, чтобы прибыть в Кала-Корейш в полночь.

Задача состояла в том, чтобы войти незаметно в спящий Кала-Корейш, поставить пирог перед домом старшины и крикнуть ему: «Вам пирог, а нам праздник!» Старшина должен был ответить: «Понял!» Тогда молодежь стреляла из ружей и поспешно убегала, а проснувшееся население бросалось в погоню. Если погоня завершалась успехом, калакорейшцы не обязаны были устраивать праздник, а принесенный гигантский пирог делили между собой и съедали. Если же погоня не имела результата, Кала-Корейш должен был устроить селению, привезшему пирог, праздник.

В празднике принимали участие мужчины, женщины и дети. Каждый калакорейшский двор должен был выставить от себя угощение. На этом игрище пили вино, устраивали скачки на лошадях (состязания), пели, танцевали, веселились, и это все длилось два дня. Затем калакорейшцы с честью провожали гостей за границы аула [8, с. 14]. Примечательно, что сел. Кубачи в организации описанного игрища, связанного с представлением о престиже их противника – сел. Кала-Корейш, не участвовало.

Интересно также привести предание о шейхе Али, записанное Е. М. Шиллингом от Саида Магомедова в 1925 и 1940 годах в сел. Кубачи. Известно, что в даргинском сел. Шири существовала могила шейха, в недавнем прошлом широко почитаемая и стягивавшая к себе множество молельщиков.

Предание повествует о том, что жил некий Али, шейх, святой человек – охотник и воин, неуязвимый для пуль. Они оставались в его одежде и сыпались на пол, когда герой после боя дома раздевался. Ударом шашки он перерубал скалу. Он имел такой выпуклый лоб, что пот не мог попадать в глаза. Однажды Али собрал людей и пошел войной на Кубачи, желая захватить их церковь. В конце концов он был предан своей женой (по некоторым версиям, кубачинкой). Кубачинцы убили Али, когда он молился на горе, и отрубили ему голову. Тело шейха погребено в сел. Кала-Корейш, а голова в сел. Шири, там, куда она якобы скатилась со склона горы.

По другому варианту, кубачинцы через жену шейха узнали, что его можно убить только при помощи большого топора, которым бьют быков. Кубачинцы тотчас сковали семь таких топоров. Во время боя Али увидел топоры, понял, что должен погибнуть, и пал духом. Его действительно убили топором. На могиле шейха в сел. Шири ежегодно устраивались большие моления, во время которых резали баранов. Почитание могилы еще не совсем было забыто в 1930-е годы [8, с. 15].

Третий вариант этого же предания, записанный в 1944 году Е. М. Шиллингом от Г. Р. Ирганова, передает, что ширинский шейх был мусульманином, тогда как кубачинцы исповедовали христианство. Он постоянно с ними воевал и был непобедим. Жена шейха, кубачинка, по настояниям родных выведала у мужа тайну – чем можно его сразить. Он сказал ей так: «Сто пуль, которые в меня попадут, и сто кинжалных ран не причинят мне смерти. Но возьми «диган» (мясной топор) и ударь меня по шее, тогда я умру. Если мне отрубят голову, сделайте памятник на том месте, куда она упадет». Вскоре после этого признания кубачинцы привязали диган к длинной палке и нашли случай убить шейха. Предательница происходила из кубачинского *джинса* (родовой группы) Миркьявкала (*Мирхъявхъалла*), проживавшего в *Дубишла куат* (среднем квартале) и в настоящее время в сел. Кубачи умершего. У всех представителей этого *джинса* (рассказчик утверждал, что он сам это видел) ноги были кривые. «Это потому, – добавил он, – что их джинс был виновником смерти ширинского шейха» [8, с. 16].

Кубачинцы были когда-то гораздо многочисленнее и подчиняли себе соседние селения, признавая, однако, власть хунзахского нуцала (владельца Аварии). Жители ближнего селения Уркарах отрицают свою былую зависимость от кубачинцев. «Мы, – говорят они, –

подчинялись только уцмию (князю), который сидел в крепости Кала-Корейш, а с кубачинцами воевали, хотя те были сильнее нас. Мы тогда имели луки и стрелы, а кубачинцы – пушки и ружья. Они были христианами». По другому уркарахскому преданию, записанному Е. М. Шиллингом от кубачинца Х. М. Канаева в 1940 году в сел. Уркарах, два благочестивых уркарахца молились о помощи против одолевавших их кубачинцев. Аллах услышал молитву. С тех пор уркарахские жители ходят в сел. Лиши на могилы тех двух святых и режут там пять баранов [8, с. 12].

Первоначальное место поселения кубачинцев находилось якобы гораздо западнее – на границе с Казикумухским районом. Оно называлось Кар-Урбуг. Потом уже кубачинцы, отняв у калакорейшцев и сулевкентцев гору Лямцля-бай (вариант легенды, приводившейся выше), заключили с ними мир и получили горы, принадлежащие им поныне. В бою пало 40 кубачинцев. (Записано Е. М. Шиллингом от Г. Р. Ирганова в 1940 году в сел. Кубачи) [8, с. 14].

Эту версию интересно сопоставить с другой, утверждающей, что сел. Кубачи было расположено когда-то не там, где теперь, а в ином пункте «в горах Кайтага», и расширяющей, таким образом, кубачинскую территорию в иных направлениях – на юг и восток, однако в пределах все той же области, которую Е. М. Шиллинг условно называет «кубачино-даргинским нагорьем» [8, с. 16].

Кубачинцы, как гласит легенда, записанная Е. М. Шиллингом от Г. Р. Ирганова в сел. Кубачи, сперва занимали в Кайтаге «несчастливую землю». Однажды пропал «принадлежавший обществу красный бык». Его нашли на горе, соответствующей нынешнему местоположению селения. То же повторилось на второй день и затем на третий. Люди решили, что место, куда уходил их бык, должно быть «счастливым», и переселились [8, с. 15].

Имеется еще предание, приводимое Л. И. Жирковым [5, с. 255–281], о том, что кубачинское поселение первоначально находилось на горе *Кайдешла-муда* к востоку от сел. Кубачи.

По преданию, рассказанному Г. Р. Иргановым (запись 1944 года), селение Кубачи «собралось в одно место из семи селений». По этому поводу существует даже пословица: «Кубачинцы никогда между собой не будут ладить, так как они из семи аулов», однако, записать ее точно на кубачинском языке, к сожалению, Е. М. Шиллингу не удалось). Места этих легендарных первичных селений не выяснены, но одно из них, по словам рассказчика, находится недалеко от сел. Кубачи на месте, называемом «*Хазна гьабилтнала*», что означает «Место добывания богатства», так как жители здесь искали клад и находили браслеты, кольца и другие предметы.

В фольклоре кубачинцев известен ряд преданий, посвященных нашествию Надир-шаха и захвату им кайтагских селений, и это не случайно. Из фактов истории известно, что Кайтаг не раз бывал ареной опустошительных нашествий иранского шаха. Сохранилось предание о том, как в одном из нашествий Надир-шаха на сел. Кубачи войска его расположились к югу от аула, за горой *Цицила*, откуда как на ладони было видно все укрепленное селение. Из-за непогоды персы не могли двинуться с места в течение сорока дней и хотя стреляли по аулу, пули не достигали селения. Между тем кубачинцы, пользуясь туманом и дождем, приближались к персидскому лагерю и обстреливали его, причем, по рассказам, их пули даже перелетали через дальние границы лагеря. В результате Надир-шах потерял столько воинов, что ему пришлось уйти, потерпев неудачу. Когда шах вернулся на родину и его спросили, что он видел там, на чужбине, он ответил: «Слепоту днем и ад ночью».

С походом Надир-шаха на Кубачи связаны разные сюжеты, бытующие у кубачинцев как в форме преданий, так и легенд. Так, один из местных старожилов рассказывает: «Однажды персидский шах Надир, желавший весь мир подчинить своей власти, окружил войсками аул и по вечерам рассматривал его в подзорную трубу (говорят, он был одноглазым). Послав гонца к кубачинцам, он предложил им сдаться без боя. Кубачинцы сказали, что на следующий день пришлют своего представителя с ответом. Вечером по зову глашатая собрались все сельчане-мужчины, старейшина сообщил им ультиматум Надир-шаха. Тогда один из кубачи-

чинцев предложил им свой план: на крышу каждого дома поставить по одному, по два, по три мучала, напоминающих маленькие пушки, и направить их на войско персов. Это и было сделано ночью. Утром Надир-шах с удивлением увидел, что на каждой крыше, как ему показалось, находятся пушки. А кубачинцы послали своего посла с ответом, что они отвергают его предложение и готовы к бою. Когда стемнело, они зажгли на каждой крыше смоляную паклю. Персы подумали, что сейчас начнется обстрел их лагеря, и в панике убежали. «Если Зеригерани так хорошо делают оружие, – говорил Надир-шах, – то почему бы им не делать самим пушки и не иметь их по нескольку в каждом доме?» [3, с. 16]. Вариант этого предания опубликован и в публикации Б. Г. Алиева [7, с. 164].

Это предание под названием «Мучалы» известно в различных вариантах, среди них имеются как более ранние, «достоверные», так и художественно дополненные, переработанные в процессе бытования, но во всех случаях в основе их нет чудесного, то есть такого, принципиальную возможность чего нельзя допустить.

Одним из вариантов предания «Мучалы» является и сюжет об осаде Кубачи Аргутинским, также записанный Е. М. Шиллингом, приводимый Л. И. Жирковым в своей книге «Язык аула Кубачи» [5, с. 256]. Когда Аргутан (так называли князя Аргутинского в народе) подошел к Кубачи, один старый человек посоветовал всем жителям установить на своих плоских крышах в горизонтальном виде мучал, направив горлышко в сторону русского войска. Мучал в таком положении действительно издали мог показаться пушкой. Аргутинский, увидев на всех крышах домов кубачинцев эти мнимые пушки, испугался и увел войско. Оригинальная и характерная только для данного этноса, неизвестная другим народам форма водонесной посуды – мучала, по легенде, помогает обмануть врага. Так этнографический атрибут – аксессуар национального кубачинского быта выступает в предании важным компонентом, выполняющим значительную идейно-художественную функцию.

Со временем такие предания отрывались от конкретного события и становились средством обобщения и типизации. Так получилось и с вышеописанным сюжетом, который обнаруживает тенденцию к повторению, служа основой для другого предания более позднего времени. Известный мотив приспособляется к новому времени и вливается уже в готовую традиционную форму, трансформируясь в новых условиях на почве новых реальных событий.

Таким образом, предания, записанные Е. М. Шиллингом в сел. Кубачи, являются общеизвестными и очень популярными. Из них можно вывести заключение о более позднем принятии кубачинцами ислама, об известной обособленности кубачинской культуры, а также о значительно большей численности и территории в прошлом народа «урбуг» (так называли себя сами кубачинцы), о некотором выделении кубачинцев среди соседей по уровню культуры и вооружению, об их войнах с соседями, с Надир-шахом и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакарова Ф. О.* Кубачинский фольклор: этнолокальные особенности. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1996. 264 с.
2. *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // *Славянский фольклор и историческая действительность.* М.: Наука, 1965. С. 5–25.
3. *Алиханов Р.* Кубачинские очерки. Записки мастера // *Искусство Кубачи* / сост. А. А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. С. 9–63.
4. *Башикиров А. С.* Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш // *Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения.* М., 1928. Вып. 2. С. 118–130.
5. *Жирков Л. И.* Язык аула Кубачи // *Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока.* М., 1930. С. 225–281.
6. *Магомедов Р. М.* По аулам Дагестана. Махачкала, 1979.

7. Предания и легенды народов Дагестана. Публикация Б. Г. Алиева // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 146–166.

8. *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л., 2012.

Поступила в редакцию
08.09.2020.

Алиева Фатима Абдуловна, кандидат филологических наук, зав. отделом фольклора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Alieva Fatima Abdulovna, Candidate of Philology, Head of the Folklore Department, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Мухамедова Фатыма Хамзаевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Mukhamedova Fatyma Khamzaevna, Doctor of Philology, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: fmuhamedova@mail.ru